

Черкасов Николай
Константинович

28.07.03

Моск. кинофестиваль. 2003. 28 июля. - с. 10.

ЛЕГЕНДА

“Сейчас таких кумиров уже нет: ни артистов, ни оперных певцов, от которых у поклонниц кружилась голова” — с таких слов начал свой рассказ о великом советском актере Николае Черкасове режиссер Георгий Натансон, снявший Черкасова в своем фильме “Все остается людям”. А ведь и правда — хоть кружится голова у поклонниц от героев “Бригады”, им, этим молодым людям, далеко до обаяния Николая Черкасова — человека крайне скромного и невероятно одаренного.

27 июля исполнилось 100 лет со дня рождения комедийного и драматического актера театра и кино Николая Константиновича Черкасова.

ЧЕРКАСОВ ВСЕ ОСТАВИЛ ЛЮДЯМ

Великого актера
уволнили из театра
по сокращению

Георгий Натансон, Николай Черкасов, Софья Пилявская.
Рабочий момент съемок фильма “Все остается людям”.

Авпрочем, в этот перечень все таланты Черкасова не вошли. Начинать он свою карьеру как артист мимического театра, затем танцевал балетные партии, поступил в театр уже как актер и вскоре стал сниматься в кино. И именно кино принесло ему мировую славу — его роли в фильмах Сергея Эйзенштейна “Иван Грозный” и “Александр Невский” стали хрестоматийными. А вот свою роль в “Весне” Григория Александрова актер не любил. И лишь когда Любовь Орлова встала перед ним на колени, он дал свое согласие сниматься.

Ближе ему были комические роли, а комический танец, созданный им совместно с Б. Чирковым и П. Березовым “Чарли Чаплин, Пат и Паташон”, вошел в историю. Любимой ролью стал Дон Кихот, которого он играл пять раз, последний — в одноименной картине Григория Козинцева. Но все же своей главной ролью он называл Дронова в картине “Все остается людям”, ставшей лидером советского проката в 1963 году. И скорее всего здесь дело вовсе не в том, что она принесла ему Ленинскую премию, а в том, что до нее великий артист не снимался целых пять лет. Картина стала последней заметной работой легендарного актера. О ней рассказывает режиссер фильма Георгий Григорьевич Натансон.

“Мне очень понравилась пьеса Самуила Алешина — философская, умная. После “Шумного дня” я решил взяться за нее. Алешин предложил поставить картину на “Ленфильме”. Я стал подбирать актеров и в первую очередь обратился к Черкасову. Он тогда не снимался уже пять лет и очень обрадовался моему предложению”.

Работу в кино Черкасов считал самой тяжелой: “В театре отзвонил — и все, а на съем-

ках сутками, и условия... Когда работали над “Невским”, я почти — а может быть, и в самом деле — в обморок упал. На мне латы, подкладки; софиты, свет со всех сторон, дубль за дублем, не минуты — часы!”

“Худсовет “Ленфильма” кинопробы одобрил: и Попова, и Быстрицкую, и Пилявскую. Про Черкасова же сказали, что он “творческий труп”. Как можно так говорить об этом великом актере! Да, он театральный актер, может, я не смог его сдержать на пробах... Но его не утвердили. Тогда я обратился к Товстоногову, он был последней инстанцией в Ленинграде, и тот позвонил в обком, и уже оттуда настояли на кандидатуре Черкасова.”

Мы снимали очень легко, весело. Черкасов всегда шутил, рассказывал истории. И ни разу не капризничал. А ведь тогда он был сильно болен, мы не знали об этом. У него была эмфизема легкого, доктора запрещали ему курить, он стрелял сигареты и покуривал в ладошку... Никакого преимущества у Черкасова перед другими актерами не было, со всеми он был в добрых отношениях. Необыкновенно нежно относился к Пилявской, к Быстрицкой, которая даже немного трепетала. И это после своей всенародной славы “Тихого Дона”! Помню, на съемку пришел Кеша Смутокунский, в это время он играл Гамлета у Козинцева и рассказывал о своих жестких спорах с режиссером, чего не было у меня с Черкасовым. Вероятно, мне счастью удается создать атмосферу из-за моей огромной любви к актерам”.

Черкасов был вообще необыкновенно добр к людям, и в их доме всегда было много гостей. Семья Черкасовых дружила с Шостако-

вичем, Эйзенштейном, близким другом был Евгений Мравинский. Воспоминания о Черкасове оставили Чарли Чаплин, Жан Кокто, Алексей Толстой, Лев Кассиль, Всеволод Иванов, Питер Брук, Ингмар Бергман.

На съемки Черкасов приходил за два часа, а иногда даже и больше: очень тщательно готовился к роли. Однажды Натансон увидел, что Черкасов сильно расстроен, и спросил: “Вы себя плохо чувствуете?” — “Георгий Григорьевич, поверите, меня уволили из театра!”. Оказалось, что пришло распоряжение сократить актерские кадры. И тогда директор театра решил “сократить” в первую очередь жен актеров, и Нина Черкасова была в их числе. А когда Черкасов пытался ее защитить, говорил, что она всю жизнь в Александринке, директор ответил, что ему надо кого-то сокращать. Тогда Черкасов сказал, чтобы сократили его, написал заявление, и его уволили.

Черкасов очень верил власти и сам был депутатом Верховного Совета. Однажды он подчитал, сколько человек принял. Оказалось — 2565. Но часто даже самые близкие люди не знали о его добрых делах. Георгий Товстоногов писал, что если можно было бы собрать в одно место всех, кому когда-нибудь в трудную минуту жизни помог Николай Константинович, пришлось бы арендовать стадион.

“За нашу картину Черкасов получил Ленинскую премию. А через три года его не стало. Его хотели похоронить на Литераторских мостках в лавре, там, где все великие актеры похоронены, но ленинградские власти отказали. И жена послала телеграмму Косыгину, и тот приказал разрешить. Тысячи людей пришли проститься с ним”.

Маша ДАВТЯН.